

Негодаева О. Б.академик философских наук,
Азовский технологический институт**ИНФОРМАЦИОННАЯ АНОМИЯ В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНЫХ РИСКОВ**

На протяжении всего периода своего существования человечество жило в условиях риска. Любая деятельность или бездеятельность сопряжена с риском, так как приводит к последствиям, которые не совпадают с ожиданиями субъектов. Риск, являющийся сочетанием уровня неопределённости в предсказании результата со значимостью его последствий, появляется тогда, когда изменяется порядок и организованность. Современный глобализирующийся мир многие учёные называют обществом риска, связывая его формирование в первую очередь с осуществлением модернизации и экономической глобализации. Быстро меняющаяся социальная реальность превращает риск в одну из главных характеристик человеческой деятельности. А основной задачей современного общества становится необходимость осознания и управления рисками.

Современные исследователи разработали различные подходы к исследованию риска в качестве социального феномена, выделяя два направления его интерпретации этого феномена: реалистическое и социокультурное. В соответствии с реалистическим подходом риск является физическим атрибутом технологий. При социокультурном подходе усматривается связь оценок риска с социальными ценностями и нормами, при этом учитываются этические, социологические, политические аспекты, взаимосвязанные друг с другом настолько тесно, что обращение к одному из них приводит к необходимости учёта всех остальных.

У. Бек в своей работе «Что такое глобализация?» представляет три вида глобальных опасностей. К первым он относит конфликты, связанные со стремлением к обогащению и несущие технико-индустриальные угрозы: появление озоновых дыр, парниковый эффект, непредвиденные последствия активно развивающейся трансплантационной медицины и геной инженерии.

Вторая группа глобальных опасностей связана с разрушением окружающей среды и технико-индустриальными опасностями, обусловленными бедностью. «Эти угрозы появляются в контексте начинающихся и прекращающихся процессов модернизации. Набирает силу промышленность, обладающая технологическим потенциалом разрушения окружающей среды и жизни, тогда как страны, где расположены соответствующие предприятия, не располагают институциональными и политическими средствами для предотвращения возможных разрушений» [1, С. 77].

Третья глобальная опасность проявляется в угрозе применения оружия массового поражения (химического, биологического, атомного). Эта опасность не исчезла даже после прекращения конфронтации между Востоком и Западом, а, наоборот, усилилась под воздействием надвигающегося фундаменталистского терроризма и терроризма частных лиц. Рассуждая о взаимодействии очагов

глобальной опасности, У. Бек приходит к выводу, что они будут дополнять друг друга, что приведёт, в свою очередь, к их обострению. Экологические разрушения могут привести к разжиганию вооружённых конфликтов, например, из-за жизненно необходимых ресурсов. Страны, для которых характерно стремительное обнищание, будут усиленно эксплуатировать природную среду, доходя до полного её разрушения. Серьёзные экологические разрушения, приводящие к массовому исходу жителей, могут также привести к вооружённым конфликтам за территорию. Таким образом, «...вредные последствия утрачивают пространственно-временные границы, обретают устойчивый глобальный характер...» [1, С. 79].

Таким образом, У. Бек делает вывод, что в условиях бесконтрольной монополии экспертного сообщества и индустриализации общество приходит к состоянию не только производства, но и воспроизводства рисков. Учёный также считает, что определение риска относится к сфере государственного управления, а оценка рисков и их классификация должны быть предметом совместной деятельности общественных и государственных структур.

Исследователь проблем риска, Э. Гидденс, отмечает, что людям всегда приходилось сталкиваться с немалым риском, а само понятие риск для него неотделимо связано с категориями возможности и неопределённости, так как нельзя говорить о риске, если исход ясен. По мнению учёного, «...концепция риска предполагает наличие общества, активно пытающегося порвать с собственным прошлым, – а это главная характеристика индустриальной цивилизации нового и новейшего времени» [4, С. 39]. Гидденс считает, что риск является своего рода мобилизующей силой в изменяющемся обществе, которое само желает определить своё будущее. Он классифицирует риски на внешние, связанные с традициями или законами природы, и рукотворные риски, связанные с нашим познанием окружающего мира. К категории рукотворного риска, по мнению автора, относятся экологические риски, проблемы семьи и брака, политические и другие риски.

В современном глобализирующемся мире основные риски являются рукотворными и имеют отношение не только к природе, но и проникают в другие сферы жизни. «Понятие риска в последнее время, – считает Г. Бехман, – сделало головокружительную карьеру в области социальной теории. В нём кристаллизуются основные проблемы и опыт высшей стадии промышленного и во многих областях буквально пропитанного наукой общества. Оно стало подлинной меткой современности» [2, С. 27].

Российское общество только начинает осознавать себя как общество риска. Исследователь проблем риска О. Н. Яницкий считает, что понятие риска используется в обыденной жизни достаточно широко. А рефлексия граждан по поводу их поведения является частью планирования деятельности социальных субъектов. Но исследователь также отмечает, что в западной культуре с её культом рациональности, вниманием к приобретениям и потерям, оценка риска социальных действий является не только привычной, но и необходимой, так как рыночные механизмы требуют высокой культуры счёта, серьёзной рефлексии по поводу любых действий. Исследователь оценивает западную культуру как культуру калькуляций, а российскую культуру как культуру затрат, вложений, делая вывод о том, что первая более рефлексивна в смысле учёта возможных изменений. Российская же культура,

по его мнению, «...не столько рефлексивна, сколько реактивна, причём реакция, как правило, носит келейный, замкнутый характер и в этом смысле не способствует выработке обществом специфических культурных стереотипов, готовящих и адаптирующих его субъектов к рискогенной среде» [8, С. 13]. Трансформации российского общества и вступление его на путь модернизации, осуществляемой по западному образцу, привели к необходимости осознания различных факторов риска.

В контексте современных проблем нас интересуют, прежде всего, социальные риски, являющиеся последствием манипуляции массовым сознанием. Масштабные социальные и экономические преобразования российского общества чреваты ростом неопределённости, которая является основой риска. Эта неопределённость возникает вследствие социальных изменений, имеющих негативные последствия, и отсутствия в обществе устойчивых и социально одобряемых способов их ликвидации.

Любое привычное нарушение существования общества сопровождается теми или иными издержками, но в обществе должны быть сформированы устойчивые механизмы, способные компенсировать негативные последствия и остановить хаотизацию общественных процессов. Если в обществе не сформированы подобные механизмы, то соответственно, увеличивается степень возникновения различных социальных рисков.

По мнению исследователя рисков социальной трансформации российского общества И. Г. Яковенко, «...массовая пассивность, генетический страх перед «начальством», убеждение в бессмысленности любых усилий – реальность, выражающая тысячелетнюю историческую инерцию» [12, С. 100]. Анализируя стратегические риски, исследователь обращается к двум категориям «экстенсивное – интенсивное», описывающих ключевые характеристики человеческой деятельности. Автор считает, что категория «экстенсивное» описывает тип человеческой деятельности (в том числе хозяйственной), в рамках которой изменения носят количественный характер, а повышение качества продукции и увеличение её объёмов происходит в результате привлечения дополнительных ресурсов. Этой категории противопоставлена категория «интенсивное», описывающая тип деятельности, для которого характерны качественные изменения, полученные путём внедрения совершенных технологий, рационального использования рабочей силы и материальных ресурсов. И. Яковенко считает, что «каждая из этих моделей характеризуется определённым отношением к миру и порождает базовый тип личности. Эти типы различаются ментальностью – структурой переживания себя в мире, типом осмысления встающих перед человеком проблем и характером решений этих проблем» [12, С. 72]. Культура экстенсивного общества, характеризующегося сильными механизмами распределения, не принимает принципов, установленных рынками, когда «социально значимые сущности обретают ценовое измерение», при этом отвергается конкуренция, возрастает тяга к монополии и государственному регулированию. Член экстенсивного общества «...исходит из того, что результаты его труда должны гарантировать его благосостояние вне зависимости от качества, издержек, количества вовлечённых ресурсов и т. д.» [12, С. 80]. Таким образом, экстенсивный тип общества является воплощением инерционного, тормозящего типа.

Сегодняшний социальный кризис, на наш взгляд, является порождением

ситуации несостоявшегося перехода от экстенсивной стратегии к интенсивной, изменением не только экономических отношений, но и системы социальных отношений. Такая ситуация также может привести к накоплению социальной инерции, в силу того что, по мнению И. Яковенко, ассимиляция интенсивных технологий, несущих новые ценностные установки и диктующих новые модели поведения, упирается «в границы системного качества культуры». Разрушение исходного целого интенсивными элементами приводит к активизации защитных механизмов самосохранения: «Традиционная целостность отторгает нововведения и те социальные слои, с которыми они связаны...В результате процесс интенсификации не просто тормозится, но блокируется и может пойти вспять» [12, С. 83]. Традиционный человек отвергает новую реальность и будучи носителем экстенсивного сознания, не способного адекватно понимать происходящее, стремится не участвовать в преобразованиях, ориентируясь даже не на «выживание», а на «доживание» в условиях, к которым постсоветский человек оказался не готов психологически и культурно. Подобную позицию выбираю представители старшего поколения.

Другая же часть современного российского социума демонстрирует поведение, согласующееся с нормативной средой, но только внешне, содержательно же ориентируется на другую ценностную систему. Такое рассогласование приводит к утрате поведенческой активности, так как требуется способность использовать нормативные и ценностные установки, различные приёмы и способы поведения в реальной жизни. Ценностно-смысловая система носит размытый характер и провоцирует, таким образом, тиражирование инертного типа социального поведения.

Другая ситуация, в которой возрастает риск тиражирования инертного типа личности, связана, на наш взгляд, с состоянием информационной аномии современного общества. «Механизм действия информационной аномии, – по мнению исследователя А. В. Маркина, – можно описать следующим образом: поток совокупной информации, воздействуя на сознание индивида, не только не помогает, но и мешает ему ориентироваться в социальной ситуации. Количество поступающей информации повышает возможность её обработки, человек сознательно избегает избыточной информации, однако, оставаясь в обществе, он не может не получать её» [6, С. 140]. Переизбыток данных ведёт, на наш взгляд, к возникновению двух последствий: информационной перегрузке и проблеме поливариантности принятия решений.

Духовная основа личности под влиянием огромного и не всегда правдивого потока информации утрачивается, и чем интенсивнее этот процесс, тем больше у человека желания «благораствориться» в новых стереотипах, причём действительная, реальная свобода выбора у человека отсутствует. Человека, таким образом отвлекают от повседневной реальности со всеми её недостатками и проблемами, а чем дальше он от неё, тем меньше у него желание преобразовывать эту реальность. Возникла ещё одна проблема. Человек привыкает играть в жизни, как на экране компьютера или телевизора. Виртуальная реальность предлагает новые стереотипы поведения, которым человек абсолютно безучастно подражает. Под воздействием СМИ и активно развивающихся информационных технологий риск усиления социальной

инерции в современном российском обществе резко возрастает.

Говорить сегодня о социализации без учёта развития информационных технологий невозможно. Процесс социализации связан не только с усвоением информации, передающей опыт, но и воспроизведением и преобразованием усвоенного опыта. Современные информационные технологии способствуют увеличению скорости подачи информации и затруднению, таким образом, её осмысления. Большую часть этой информации массовое сознание воспринимает пассивно, человек лишается не только возможности творческой деятельности, но и умения критически и осмысленно воспринимать окружающий мир. Пассивность при усвоении информации приводит к пассивности по отношению ко всей окружающей действительности. Кроме того, скачки объёма информации, по мнению Э. Тоффлера приводят к тому, что одни люди получают возможность быть более компетентными и работать на высшем уровне, а другие не в состоянии ориентироваться в огромном потоке «вспышек информации». Эти люди утрачивают не только связь между фактами, получаемыми по каналам связи, но и не могут адекватно воспринимать окружающую действительность и ориентироваться в ней, оказываются подверженными дезадаптации, что, на наш взгляд, является одним из вариантов проявления инерции.

Усложнение информационных технологий ведёт к усложнению мира. Человек, живущий, по мнению М. Г. Делягина, в мире физическом, воспринимает мир как реальный информационный. «В результате он во всё большей степени реагирует не на тот мир, в котором живёт, и утрачивает критерий истины» [5, С. 87]. Снижение адекватности человека ведёт к необходимости формирования нового сознания, способного воспринимать усложнившийся мир. Формирование сознания осуществляется при помощи технологий, имеющих противоречивые последствия. С одной стороны, может быть создана ситуация, в которой образцы поведения, предложенные средствами массовой информации, Интернетом, могут быть использованы человеком с целью формирования своих идеалов, ценностных ориентаций. С другой стороны, человек, не готовый к анализу информации, не способный её структурировать, не может сделать самостоятельного выбора, степень его самостоятельности резко снижается. Сознание, утратившее таким образом самостоятельность под воздействием возрастающего потока информации, нуждается в консультантах, экспертах и других авторитетах, способных помочь разобраться в создавшейся ситуации. Следовательно, человек утрачивает свою автономность и пытается переложить ответственность на других, более авторитетных в той или иной области. Подобное накопление инерции также губительно для общества: достаточно создать определённую информационную среду, вызвать утрату критического мышления, хаотизировать сознание и получить искомую выгоду (чаще всего материальную).

В XX веке, особенно во второй его половине произошли серьёзные изменения в области информационных технологий. Объём информации, предлагаемой сегодня для усвоения массовому потребителю, является избыточным. Для большинства людей сегодня информация является основой профессиональной деятельности. К этому потоку добавляется информация, с которой каждому приходится иметь дело в повседневной жизни. В условиях постоянно растущего

темпа жизни наблюдается «дефицит свободы от информации», Т. Эриксен считает: «Мы в качестве компьютерных пользователей и простых граждан во многом подвергаемся воздействию информационного общества» [11, С. 28]. В своей работе «Тирания момента» Т. Эриксен говорит о том, что мастерство современного получателя информации заключается в умении защититься от 99,99% ненужной информации. В подобной ситуации происходит серьёзное давление на психику человека, который нуждается в строгом отборе, фильтрации и структурировании информации. По мнению А. Маркина, новые информационные технологии и особенно Интернет подчёркивают проблему информационных перегрузок: «Для Сети в большей степени, чем для других сред, характерна неструктурированность информационного потока» [6, С. 90]. Вследствие этого возникает ситуация, когда пользователю, знающему, какая информация ему нужна, предлагается масса ненужной информации, фильтруя и распознавая которую, он тратит огромное количество времени и энергии.

Вследствие информационной перегрузки у большинства формируется тип поведения, который можно охарактеризовать как инертный. Для такого типа поведения свойственны привычка отвлекаться от основных обязанностей, откладывать важные решения, оттягивать выполнение текущих задач. Кроме того, информационная перегрузка имеет негативные последствия по отношению к физическому и психическому состоянию людей. К числу таких последствий можно отнести стресс и потерю удовлетворения от профессиональной деятельности, а также ряд физиологических расстройств. В предыдущей части работы уже говорилось об активном использовании в современных информационных средствах манипулятивных технологий. Манипуляция сознанием в сочетании с огромной информационной перегрузкой оказывает серьёзное давление на психическую реальность, самосознание и несёт в себе новые проблемы и риски.

Вторая проблема, возникающая в современном обществе вследствие информационной аномии, связана с тем, что возникает множество выходов из какой-либо социокультурной ситуации. Множество моделей поведения не может быть реализовано одновременно, поэтому проблема выбора осуществляется в соответствии с имеющимися в сознании ценностными установками и мерой ответственности. Но современный человек принимает решение и реализует его в своём поведении, находясь порой в рамках нескольких нормативно-ценностных систем. Сегодняшняя социокультурная ситуация характеризуется отсутствием механизмов духовной преемственности, разрушением норм общественной морали, снижением интереса к национальной культуре, отсутствием стремления к самореализации, низкой активностью при решении социальных вопросов. В подобной ситуации значительная часть общества, особенно молодёжи, испытывает психологическое напряжение, тревожность и, как следствие, стремится к уходу от противоречивых оценок, норм, превращаясь в социально пассивный тип личности, готовый принять предлагаемые ему готовые оценки и решения.

Постоянными спутниками повседневности становятся падение чувства социальной справедливости, социальных гарантий и понижение барьера жизнеспособности индивидов. «Массовый характер принимает рост равнодушия людей ко всему, безразличное или даже отрицательное отношение к правовым,

нравственным, эстетическим нормам и законам, к социальным, семейным обязанностям и гражданской ответственности» [6, С. 144].

Следовательно, можем сделать вывод о том, что условиях современного социального кризиса информационный поток оказывает агрессивное воздействие на сознание, причём этот процесс носит массовый характер. Для того чтобы член социума мог ориентироваться в социальном пространстве, ему необходима актуальная информация. В условиях информационной анонии создаются благоприятные условия для социального манипулирования, когда объективная реальность заменяется виртуальностью. Исследователь Т. А. Бондаренко считает, что «...компьютерные технологии втягивают человека в виртуальную реальность, представляющую собой смесь правды, полуправды и лжи, где трудно отличить одно от другого. Наши представления о мире, возникающие на основе СМИ, есть нечто сделанное, опосредованное: век газет, а тем более телевидения и Интернета в значительной мере заменяет собственный жизненный опыт человека набором чужих мнений, опосредован им» [3, С. 125]. В такой ситуации, когда на человека обрушивается масса мнений и фактов, человек утрачивает взаимосвязь событий, оказывается способным действовать не в своих интересах, а в интересах манипуляторов. Человек, погружённый в виртуальную реальность, оказывается в искусственном и довольно узком пространстве. В узком, потому что, несмотря на всю его кажущуюся широту и многообразие, оно искусственно сформировано в соответствии с целями, преследуемыми манипуляторами.

Таким образом, виртуальная инфосреда в условиях сложившейся информационной анонии позволяет осуществлять манипулятивное воздействие, направленное на создание «...ложного мира, но когда в сознании человека эти ложные миры станут действительными, человек просто не сможет справиться с их разделением и легко может произойти раздвоение личности или даже деперсонализация» [3, С. 139]. Подобная ситуация и её последствия также приводят к риску увеличения социальной инерции, проявляющейся в неспособности и нежелании адекватно оценивать реальность и участвовать в преобразовании социальной среды.

Подводя итог, следует отметить, что использование манипуляции в процессе социальной адаптации и социализации в кризисных условиях развития общества, в частности, в условиях социальной и информационной анонии, может привести к возникновению риска накопления социальной инерции, нарастанию стремления к бездействию вследствие утраты определённости мышления. Утрата реального восприятия действительности в массовом сознании приводит к сужению жизненного пространства, а минимум усилий направляется не на изменение действительности, а на изменение сознания и восприятия действительности, открывая новые перспективы для манипуляции сознанием. Кроме того, в массовом сознании под влиянием манипулятивных технологий разрушается осознание взаимосвязи существующих социальных проблем и личных проблем. Неспособность осознать подобные глубинные процессы ведёт к формированию в массовом сознании стандартов, усиливающих риск нарастания социальной инерции. Массовый человек становится «...не в состоянии ныне постигнуть корни своих ложных пристрастий и подавленных желаний, он не способен чётко мыслить

ни о самом себе, ни обо всём прочем. Он не замечает, как современная организация общества подавляет умы и мысли людей, и не в состоянии справиться с задачами, с которыми сталкивается ныне "мыслящий гражданин"» [7, С. 425].

Литература:

1. Бек У. Что такое глобализация? – М.: Прогресс-Традиция, 2001. – 560 с.
2. Бехман Г. Современное общество как общество риска // Вопросы философии. – 2007. – № 1. – С. 26 – 46.
3. Бондаренко Т. А. Виртуальная реальность: социально-философский анализ. – Ростов н/Д; Издательский центр ДГТУ, 2006. – 151 с.
4. Гидденс Э. Ускользящий мир: как глобализация меняет нашу жизнь. – М.: Издательство «Весь мир», 2004. – 120 с.
5. Делягин М. Г. Мировой кризис: Общая теория глобализации: Курс лекций. – М.: ИНФА-М, 2003. – 768 с.
6. Маркин А. В. Функции отклоняющегося поведения в условиях информационной анонии: монография. – М.: ЮНИТИ – ДАНА: Закон и право, 2006. – 159 с.
7. Миллс Р. Властвующая элита. – М.: Изд. иностр. лит., 1959. – 543 с.
8. Россия: риски и опасности «переходного» общества / РАН, Институт социологии; под ред. О. Н. Яницкого. – М.: Институт социологии РАН, 2000. – 237 с.
9. Тоффлер Э. Третья волна. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2002. – 776 с.
10. Тоффлер Э. Шок будущего. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. – 558 с.
11. Эриксен Т. Х. Тирания момента. Время в эпоху информации. – М.: Издательство «Весь мир», 2003. – 208 с.
12. Яковенко И. Г. Риски социальной трансформации российского общества: культурологический аспект. – М.: Прогресс-Традиция, 2006. – 176 с.